

Красавица для Чудовища

НАТАЛИ РОК

Натали Рок

Красавица для Чудовища

«Автор»

2023

Рок Н.

Красавица для Чудовища / Н. Рок — «Автор», 2023

— Королевский отбор начинается! Через минуту вы предстанете перед Королём, а завтра начнутся испытания. Кто из вас окажется достойной титула Королевы? Да, я имею необходимые качества для этого титула, вот только быть меня в дворцовом замке не должно! Я простая служанка, обманным путём попавшая на отбор, чтобы помочь сестрёнке. И моя задача продержаться до финала, до того момента, когда Король найдёт свою Королеву. Главное, не стать ей самой!

© Рок Н., 2023

© Автор, 2023

Содержание

Пролог	5
Глава 1	6
Глава 2	11
Глава 3	17
Глава 4	22
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Натали Рок

Красавица для Чудовища

Пролог

Нет-нет-нет! Что же я наделала? И что делать теперь?!

В первую очередь нужно успокоиться. Да.

Я разжимаю онемевшие пальцы, медленно выдыхаю и заставляю себя открыть глаза. В ушах всё ещё стоит звон разбитого стекла, отголоски напуганных голосов гостей... Они знают? Знают, что это сделала я? Моя тайна раскрыта? Беды не миновать?

Сколько раз мне бабушка говорила, что я не имею права выходить из себя? Её советов не счесть! Нельзя мне никому показывать свой дар, а точнее проклятье! И пользоваться им нельзя, чтобы не привыкнуть. Скрывать, сдерживать, молчать – вот моё жизненное кредо.

И что же? Я поставила свою жизнь, жизнь госпожи и её семьи, жизнь моей маленькой сестрёнки, под угрозу из-за того, что всего лишь на мгновение пустила в своё сердце отравляющее чувство ревности? Ревности, на которую и права-то не имела!

– Успокойтесь, дорогие гости, – разносится по залу властный и спокойный голос Короля. – Такое иногда случается из-за сильного ветра.

Я перевожу взволнованный взгляд на мужчину и вздрагиваю от страха, ледяными иголками вонзившегося в позвоночник. Он смотрит прямо на меня! И пусть остальные, кажется, и не думают о моей причастности к случившемуся, но Король... Король точно знает, что это сделала я!

Мне конец.

Боги! Я знаю, вы давно в забвении, в вас никто не верит и не принимает всерьёз, но, молю, помогите мне! Не ради меня. Нет. Ради моей сестры. Она не должна пострадать из-за моего глупого сердца!

Глава 1

Боги! Какой же душный день! Просто невыносимо. И из-за этой духоты я двигаюсь, как сонная муха: мне полагалось почистить этот бесовый камин ещё полчаса назад!

Я отставляю веник и передником протираю лицо от пота: на серой ткани остаётся след от сажи, которую я сегодня утром кропотливо наносила на лицо. Но что уж... Измажусь по новой, как только заменю поленья.

Давай, Ив, пошевеливайся!

Вновь подхватываю веник и опускаюсь коленями на мраморный пол, сгибаясь в три погибели, чтобы дотянуться до каждого уголка камина и смести из них золу. Да так и замираю в неудобной позе, удерживая руку с веником на весу, потому что двери в малую гостиную распахиваются с громким стуком, а затем слышится и голос самой госпожи. Младшей из двух.

– Я вас умоляю, дорогие подружки! Только вы и можете быть беспечны по этому вопросу, потому что не обладаете той красотой, которая по воле злого рока досталась мне, несчастной!

Ясно. Всё о том же по десятому кругу.

– Но Глафира, но милая, – щебечет одна из двух её подруг, – возможность стать Королевой и не должна предоставляться девушке, которая не может сравниться с тобой! О, ты только знала бы, как я сама жалею, что Боги не наградили меня хотя бы каплей той красоты, которой обладаешь ты, дорогая! И Агафья жалеет о том же! Верно, Агафья?

– Безусловно! – поддакивает вторая.

А я решаю расслабиться и как можно тише закончить с уборкой. Им в свете последних событий не будет дела до какой-то нерасторопной служанки. Я надеюсь.

– Но, а как же все эти слухи о Короле? – вопрошает девушка, удручённо опускаясь на софу у окна. – Вы предлагаете мне закрыть глаза на то, что рядом со мной, красавицей, будет чудовище?!

– Но ты же сама говоришь, что это слухи, Глафира! – всплёскивает руками её подружка. – Я уверена, что их распускают твои соперницы! Распускали во все времена! Чтобы достойные девушки, вроде тебя, сомневались в своих силах. Чтобы они делали глупости, избегая Королевского отбора! Умоляю, не нужно делать глупости, Глафира!

– В том и дело, что ни одной глупости в голову не приходит, – ворчит высокородная девица. – Похоже, я слишком умна для них.

Я не сдерживаюсь: тихонечко усмехаюсь. Красивая и слишком умная для глупостей – а мнение-то госпожи о себе растёт! Я продолжаю улыбаться, аккуратно пятясь задом из жерла камина, и, только потянувшись за совком, соображаю, что в комнате стало подозрительно тихо. Поворачиваюсь в сторону трёх достойных девиц и вижу, как они в упор смотрят на меня.

Бес бы побрал мою несдержанность!

– Что тебя насмешило, грязнушка? – всматриваясь в моё лицо, интересуется госпожа.

– Глафира, какая разница, что насмешило вашу служанку! – сиюминутно потеряв ко мне интерес, пренебрежительно взмахивает рукой самая говорливая из них. – Лучше подумай о перспективах! Ты увидишь столицу, будешь на протяжении нескольких месяцев находиться в высшем обществе! Пообщаешься с самим Королём, а то и женой его станешь! Да я уверена, что ей станешь именно ты, Глафира!

Девушка содрогается всем телом и морщит аккуратный носик:

– Я и думаю о перспективах: терпеть унижительные соревнования с выскочками, которые и ногтя моего не стоят; проходить какие-то испытания; доказывать кому-то, что достойна титула Королевы; несколько месяцев провести вдали от дома, в кругу наверняка скучных людей и, наконец, стать женой ужасного человека. Омерзительного, неприятного, нагло пользующегося своими властью и положением.

Пока она произносит свою обвинительную речь, зрачки её глаз, впившихся в моё лицо, словно репейник к подолу платья, с каждой секундой становятся всё больше и больше, напрочь вытесняя голубизну радужки.

Госпожа подскакивает с места так резко, что я дергаюсь от испуга, выронив из рук и совок, и веник.

– Сгиньте, подружки! – велит она, направляясь ко мне.

– Но...

– Идите вон! Немедленно!

Девушки, недовольно переглянувшись, направляются к выходу, я же бросаюсь подбирать с пола веник и совок.

– Оставь, – приказывает госпожа, останавливаясь в двух шагах от меня. Утончённый и дорогой аромат господского парфюма проникает в ноздри, приятно кружит голову и напоминает о том, что мне самой подобных запахов не носить. – Встань.

Я подчиняюсь, начиная чувствовать неладное. Зря я усмехнулась. Зря обратила внимание на себя. Сколько раз говорила мне бабка вести себя в комнатах господ ниже травы и тише воды? Её советов не счесть!

Я смотрю в пол, сцепив пальцы рук между собой, и всё ещё надеюсь на чудо. Надеюсь, что госпожа всего лишь хочет отчитать меня за насмешку над собой. Или наказать? Пусть наказывает! Лишь бы не разглядывала настолько пристально, что я кожей чувствую траекторию её взгляда.

Бесова духота!

– Ну-ка, – алчно выдыхает она и касается своим тонким указательным пальцем моего подбородка. Толкает вверх, поворачивает моё лицо к солнечному свету, который струится из окна сквозь лёгкий тюль, и негромко замечает: – Как интер-ресно...

– Ничего особенного! – заверяю я, окончательно пугаясь.

– Имя? – требует она.

– Иванна, госпожа Глафира.

– Вот как мы поступим, Иванна. Ты сейчас же пойдёшь и умоешься, а затем сразу же явишься в кабинет моего отца. – Она одёргивает руку, вынимает платок из кармана пышной юбки и вытирает пальчик. – Всё ясно?

– Да, госпожа, – едва слышно выдыхаю я.

– Иди!

Она сама же и уходит раньше меня, шелестя накрахмаленными юбками. Я смотрю на камин, который так и не вычистила, на свои руки, грязные от золы и, наконец, в большое зеркало над всё тем же злосчастным камином. На меня в ответ смотрит белокурая девушка неряшливого вида: пыльные волосы, испачканное сажей лицо, большие синие глаза. Но грязь не скрывает в достаточной степени её красоту...

Быть служанкой, которая обладает красотой, не так опасно, как быть красивой благородной девицей, но моя бабушка уверяла нас с мамой, что лучше остерегаться и не вносить наши имена в реестр. Мне и подавно выделяться нельзя. Но я молодец – выделилась.

Тяжело вздыхаю и, спохватившись, выбегаю из малой гостиной, чтобы отправиться в свою комнатку в подвальном крыле для слуг. Нельзя заставлять хозяев ждать. К тому же, мне немножко интересно, что пришло в светлую головушку младшей госпожи. Не может же она наизусть знать реестр местных красавиц, чтобы сдать меня Смотрителю? Нет, тут что-то иное.

С другой стороны, представать перед господами в своём истинном облики ужасно страшно. Вдруг как раз они и решат пойти к бесовому чиновнику? Ох, не к добру это всё, не к добру. Но сама виновата.

Забегаю в тесную комнату, которую делю со своей младшей сестрой, да так и столбенею, не ожидая увидеть Лию в это время здесь.

– Ты... ты почему не в саду, Лилия?

– Если меня называли в честь цветка... – заводит она свою любимую песню, но я её обрываю, крича уже из ванной комнаты, площадью метр на метр:

– Чем тебе опять не угодил сад, Лия?

Она молчит всё то время, что я умываюсь. А когда я возвращаюсь, нападает:

– А ты почему не рабо... – Тут она видит моё чистое лицо и её собственное вытягивается: – Ив, ты чего?

– Не о чём волноваться, – отмахиваюсь я. – Что случилось у тебя? Ты же знаешь, что сад нам доступен только в определённое время.

– Не хочу, – опускает она глаза, насупившись. – Надоело, что они каждый раз глазают. А сегодня дурацкий Митрофан, сын садовника, хотел ткнуть в меня иголкой, чтобы проверить не вру ли я.

– Что? Дрянной мальчишка! Я обязательно поговорю с его отцом!

– Не нужно! Не хватало, чтобы меня ещё и ябедой называли. Звания калеки и так достаточно.

У меня болезненно сжимается сердце, и я опускаюсь на колени рядом с креслом младшей сестрёнки.

– Ли, – обхватываю я её пальцы своими. – Тебя все очень любят и не называют так. Не придумывай, пожалуйста.

– Не нужно меня оберегать, я не маленькая.

– Не маленькая? – сужаю я глаза, а затем щекочу её. – А щечотки боишься, как маленькая!

– Перестань! – заливается она звонким смехом, пытаюсь оттолкнуть мои руки. – Прекрати! Ты, кажется... спешит-и-ила!

Точно!

Подскакиваю на ноги, но у двери замираю, потому что Лия спрашивает в спину:

– Ив, ты влипла в неприятности, да?

– Кажется, так, – закусываю я нижнюю губу.

– И они тебя веселят, – тяжело вздыхает сестра.

– Если только самую капельку... Мне боязно, правда! Но я выкручусь. Я обязательно что-нибудь придумаю, – обещаю я, уже мчась по узкому коридору к лестнице наверх.

В холле я чуть не сбиваю с ног прачку, скоро извиняюсь и лечу к лестнице на второй этаж. И чем ближе я к господскому кабинету, тем сильнее чувствуется волнение. Лилия права – нельзя радоваться неприятностям. Но моя жизнь настолько однообразна, что любое отклонение от привычного распорядка ощущается настоящим приключением. Пусть и рискованным.

– Боги! Ты умываться в преисподнюю спускалась? – всплескивает руками младшая госпожа, когда я запыхавшаяся останавливаюсь возле неё.

– Прошу прощения, госпожа.

– Оставь, – отмахивается она от меня и настежь распахивает двери в кабинет своего отца. – Нас уже ждут. Идём. И закрой за собой дверь.

Я прохожу вглубь комнаты вслед за госпожой, не отрывая глаз от ковра и своих тапок. Нас ждут? Ждут? Кто-то ещё кроме её отца? Могла Глафира сообщить обо мне Смотрителю, чтобы он успел явиться за мной за столь короткий срок времени? Сомневаюсь.

– Мама! Папа! – торжественно произносит младшая госпожа, и я тихонечко выдыхаю. Кажется, всё не так страшно, как я успела надумать. – Я нашла способ избежать Королевского отбора!

– Глафира! – восклицает старшая госпожа. – Не при служанке же!

– Что ты придумала на этот раз, позволь узнать? – отрывая взгляд от бумаг, маетно вздыхает отец Глафиры. И мне тоже безумно интересно то, что она придумала. А самое главное, как с этим связана я?!

– Иванна, подними, ради Богов, своё лицо! – нетерпеливо приказывает Глафира.

Я тут же подчиняюсь, и в меня впадают две пары глаз, правда выражение у них разное. Господин смотрит довольно скужающим взглядом, а вот госпожа однозначно заинтригована указанием, что дала мне её дочь.

– И-и-и? – вновь смотрит на Глафиру её отец.

– Ты разве не видишь, папа? – подсказывает младшая госпожа ко мне и обхватывает мой подбородок пальцами, поворачивая мою голову из стороны в сторону. – Наша служанка красива!

– Бедняжка, – усмехается её отец, явно теряя интерес к происходящему. – Но не переживай, эта девочка не красивее тебя.

– Папа!

– Дорогой, – всё ещё не отрывая глаз от меня, хлопает по плечу господина его жена. – Кажется, я... Ты обязан выслушать свою дочь до конца. Милая, расскажи то, что ты придумала.

– Иванна... Она отправится на отбор вместо меня!

Что-о-о?!

– Что за глупость? – хмурится господин.

Да?

– Посмотрите! Она красива почти, как я. У неё светлые волосы, голубые глаза...

– Синие, – тихо поправляю я, не сумев сдержаться. Но кто бы обратил на меня внимание, верно?

– ...рост, фигура. Чуть пополнеть и мои наряды придут ей в пору! Обучить грамоте и манерам. Благо время ещё есть. Это гениально, понимаете? Мне не придётся ехать в столицу! – радостно хлопает в ладоши девушка. – Не придётся терпеть все эти унижения.

Это всё придётся делать мне, выходит?! Нет-нет-нет!

– А что реестр, милая? – алчно блещут глаза старшей госпожи. – Наш обман не раскроют сразу же?

– Мама, я знаю наш реестр наизусть! – недовольно кривит губы Глафира. – И никакой Иванны там отродясь не было!

Ха. Знает наизусть, всё-таки. Превосходно!

– Это правда? – строго спрашивает женщина уже у меня.

– Да, – выдыхаю я, опуская глаза. – Но... Если позволите... Я... я не смогу вам помочь.

– Это ещё почему? – возмущённо вопрошает Глафира. – Ты сделаешь всё, что мы тебе прикажем!

– Так, женщины! – бьёт ладонью по столешнице господин, заставляя нас-троих вздрогнуть от испуга, и поднимается с места. – Я всё ещё не понимаю ваш замысел!

– Дорогой, нас разве когда-нибудь интересовала Корона? Нет. Напомню, что ты сам не обрадовался тому, что нашу кровиночку придётся отправить на растерзание столичным стервятникам. И вот – наша дочь нашла выход! Разве не чудесно? Мы выдадим... – ой, совершенно не важно, как её зовут! – за нашу дочь. На отборе она будет держаться в середнячках: не бросаться в глаза, но и не сильно плоховать, чтобы не позорить нашу семью. А Глафирочка в это время, – смотрит она на дочь, – поживёт в деревне? Да, милая? Там гораздо спокойнее, чем в суматошной столице близ Короля-чудовища. Мы сделаем так, что никто и не узнает о нашей маленькой шалости, которую мы устроим, чтобы уберечь нашу дочь.

Теперь господин всматривается в моё лицо пристальнее, заставляя моё сердце биться чаще, чем было минуту назад. Я не могу никуда уехать! Заменять на отборе Глафиру? Да они с ума посходили! И похоже, все втроём! Даже, если не брать в расчёт все прочие «не», кто в здравом уме примет служанку за благородную девицу?! В моём характере просто нет необходимых качеств: надменности, гордости и величия!

– Нет! – не сдерживаюсь я в итоге. – Нет! Я не могу! Не могу никуда поехать. У меня сестра. Она... Понимаете, она не может ходить. Ей нужна постоянная забота!

– Что-то припоминаю... – сужает глаза женщина. – Пару лет назад мы возвращались из деревни, где проводим лето... Одна из повозок со слугами перевернулась, несколько человек сильно пострадало, ещё больше умерло на месте. А одной повезло так, что даже царапинки не осталось. Это была ты, верно?

Вообще-то царапины на мне были, и ещё какие!

– Твоим матери и бабке совсем не повезло, – продолжает госпожа, своим равнодушием вонзая нож в мою едва зажившую рану. – У сестры повреждён позвоночник. Что ж! Королевский отбор и для тебя выход!

– Что... что вы имеете ввиду? – озадаченно смотрю я на госпожу.

– Мы предоставим твоей сестре лучшие условия, глупая! За твою услугу, разумеется. Она отправится вместе с нами в деревню, будет наслаждаться свежим воздухом, просторами... Жить наравне с нами. Почти. В любом случае, мы обещаем тебе, что она будет круглосуточно окружена заботой и вниманием. И потом, насколько мне известно, она скоро войдёт в брачный возраст? Что ж! Мы и судьбу её устроим! Предложение, Иванна, очень выгодное для тебя, с какой стороны не посмотри. Соглашайся. Ты не сможешь остаток жизни тянуть её на своих плечах, да и здесь ей мужа не найти. А в деревне мужчины не так привередливы.

Боги! Госпожа – страшная женщина, раз составила план за каких-то пару секунд!

– Мне... мне нужно время... поговорить с сестрой... я... не могу так сразу согласиться, – лепечу я.

– Что за глупости?! – восклицает Глафира, молчавшая непривычно долго. – Это самое выгодное предложение, которое тебе могла предоставить моя семья! Ты обучишься манерам, будешь носить красивые наряды, несколько месяцев проведёшь в столице! В высшем, на секундо-дочку, обществе! Когда бы ещё тебе выпал такой шанс? Да никогда! А тем временем твоя пока-леченная сестра будет кататься как сыр в масле, попутно выбирая себе жениха! Не вынуждай моего отца приказывать тебе, иначе мы и без всяких сделок обойдёмся!

– Твой отец, Глафира, – прокашливается мужчина, словно только сейчас обрёл способность говорить, – ещё даже согласия не давал на эту авантюру.

– Папа! Ты разве не желаешь мне добра?

– Дорогой, идея стоящая!

– Вы хоть на секунду задумались, какие будут последствия, если обман раскроется?! Вы хотите обвести вокруг пальца... саму Корону!

– Глупости, дорогой! – подходит к нему жена и берёт его за руки. – Иванна будет очень осторожной. В ином случае, кара упадёт и на её голову. А она не допустит, чтобы её сестра осталась совсем без присмотра, верно, девочка?

– Я...

– Мы всё-всё продумаем, дорогой, – увещевает супруга господина, обходясь без моего ответа. – Тебе всего лишь нужно дать добро и довериться нам. Правда, Глафира?

– Да, папочка! Мы как следует подготовимся ко всему, – горячо заверяет своего отца младшая госпожа.

По всей видимости, его согласие гораздо важнее моего. Да и приняли бы они мой отказ? Очень сомневаюсь.

– Ну... – не решается господин, часто переводя взгляд с одной на другую и на меня. – Ладно. Пожалуй, попробовать стоит. Иванна, я даю тебе своё слово, что о твоей сестре хорошо позаботятся. Ему ты можешь доверять всецело.

Вот теперь мой распорядок дня перестанет быть однообразным и, смею предположить, скучным. Однако, повезло!

Глава 2

– Меня повысили! Здорово, правда? – чересчур радостно сообщаю я сестре, приступая к сборам вещей. – Я стала личной служанкой младшей госпожи! А потому мы переезжаем в другую комнату.

– Мы? – хмурится Ли, бросая короткие взгляды на носильщика.

Его послали со мной, не потому что у нас с сестрой много вещей. Вовсе нет – наши скудные пожитки влезут в одну плетённую корзину. Он нужен здесь, чтобы помочь с креслом Ли. Так заведено, что личные служанки живут в комнатах самой госпожи, ну а вдруг ей ночью в туалет захочется, и свечу не самой же зажигать, верно? А комнаты эти, на секунду, находятся на третьем этаже!

– Господа вошли в наше положение и сразу заверили меня, что мы с тобой по-прежнему можем жить в одной комнате! Здорово, правда?

– ИВ, ты мне что-то не договариваешь?

Ну конечно, не договариваю! Нельзя. Что обоим господам, что мне, а соответственно и Лилии, предстоит каждой играть свою роль. Никто, цитирую, даже из самых дотошных не должен прониюхать о нашем плане. Нашем. Словно я вообще имею к этому сумасшествию хоть какое-то отношение. Имею, конечно, и самое прямое, но будь моя воля...

Что, Ив, отказалась бы? Давай, строй из себя жертву, которой совершенно не интересно то, что будет дальше.

Встряхиваю головой, подхватываю свои книги и успокаиваю Лию:

– Глупости, сестрёнка! Нам с тобой крупно повезло, так что пошевеливайся. Всё собрала?

– До чего смогла дотянуться, – язвит она, сужая глаза, с явным намёком на то, что мне, рано или поздно, придётся рассказать ей правду.

А я и не против, вот только останемся наедине, и я ей всё-всё расскажу.

Но наедине нас оставляют ещё не скоро.

Как только мы с сестрой оказываемся в небольшой, но очень светлой комнате, благодаря огромному окну на полстены, подёрнутому тонкой и прозрачной шторкой, в неё вихрем врывается младшая госпожа. Я даже осмотреться не успеваю, а она уже отдаёт команды:

– Скоро сюда внесут ещё одну кровать, твоя сестра, как раз, за этим проследит. Можешь заниматься своими привычными делами, девочка, – едва бросает она взгляд на Лилию и хватая меня за руку, даже не думая брезговать: – Пойдём, нас ждёт сто-о-олько дел!

– Столько дел? – одними губами произносит сестра, подозрительно вздёрнув бровь.

Я пожимаю плечами, только и поспевая за госпожой.

Мы проходим через гостевую в музыкальную комнату, где главным убранством служит резная арфа. Интересно, меня заставят на ней учиться играть, раз уж я сама буду играть роль госпожи? Или она сама не умеет, а арфа всего лишь арфа. Для красоты?

– Встань-ка сюда, – останавливает меня госпожа ровно посередине комнаты и начинает обходить вокруг, оглядывая мою фигуру цепким взглядом. – Голову подними. Вот так. На самом деле, работы уйма! Не представляю, как мы справимся...

– Если позволите, – тихо говорю я. – Мы можем не...

– Ещё чего! – перебивает она меня и грациозно опускается на мягкий стул без спинки. Склоняет голову чуть в бок, будто бы задумалась, но взгляд осознанный, выжидающий. – Запоминаешь?

– Простите?

Девушка мгновенно оказывается на ногах и распоряжается:

– Первое, что тебе нужно делать, – кроме того, чтобы как следует отмыться и сменить этот... мягко говоря, неподобающий наряд, разумеется, – это пристально за мной следить,

запоминать то, как я себя веду, повторять, если есть возможность. Тебе необходимо стать мной, понимаешь?!

– Да, госпожа.

– Боги! Прекрати пялиться в пол! Первый урок – всегда смотри в глаза собеседнику. Разумеется, если это не Король. Итак, что тебе известно о Королевском отборе, Иванна?

– О...

Королевский отбор – одно из самых примечательных событий, которое проходит не часто. Как только наследный принц принимает от отца правление страной, весь народ, а особенно его женская половина, принимаются гадать, когда же он вздумает обзавестись женой, новой Королевой. Одни ждут этого события с замиранием сердца, другие страшатся его как войны. Впрочем, это не мешает чиновникам учитывать всех красавиц и кропотливо заносить их имена в реестр. О, все Короли с незапамятных времён помешаны на красоте. Ещё Ян Бесстрашный, правящий тысячи лет назад, создал подразделение Учёта Красавиц и отрядил в него людей – Смотрителей. Те, как стервятники, накидывались на девушек от пятнадцати лет, измеряли их красоту по специальным стандартам и записывали прочие отличительные черты их внешности. Конечно, со временем народ привык к новшествам и уже сам шёл к Смотрителям, чтобы доложить о той или иной красавице. Высший свет так вообще принимал эту необходимость, как должное, молясь давно несуществующим Богам о том, чтобы их дитя женского пола родилась красивой, и плевать, что не в кого. Потому что только благородные девицы могли надеяться однажды стать Королевой. Но народ попроще, словно чувствовал, что такая страсть к красоте не к добру и старался лишний раз уберегать своих дочерей от ока чиновников и Короны.

Что касается самого отбора, простому народу не известно, что там происходит на самом деле. Ясна только пара вещей: со всей страны в королевский дворец съезжаются благородные девицы в возрасте от семнадцати и до двадцати лет и проходят какие-то испытания. Самая достойная из них и становится новой Королевой.

Собственно, последнее я и сообщаю госпоже.

– Кстати, сколько тебе лет? – вдруг озадачивается девушка.

– Восемнадцать, госпожа Глафира.

– Мне девятнадцать, – недовольно вздыхает она. – Семь месяцев! Не мог этот Королишка подождать со своим отбором ещё каких-то семь месяцев! И я была бы избавлена от всех этих трудностей. Ну да ладно. Мне самой, впрочем, как и любой представительнице высшего общества, известно об отборе чуть больше, чем тебе. Из-за принца, который в определённый момент станет Королём – что, собственно, и произошло пару лет назад – меня растили с мыслью, что я обязана явиться в замок, как только выйдет таковой указ. И я молила всех Богов, чтобы эта участь меня миновала, но... В общем, невестам полагается быть, – тут она начинает загибать пальчики, – красивой, образованной, воспитанной и талантливой. Разумеется, почти каждая благородная девица обладает всеми этими качествами. Красотой ты не обделена, образование и воспитание мы подтянем, как сможем, а что насчёт талантов, Иванна?

– Простите, но боюсь, у меня их нет.

– Почему ты так разговариваешь? – вновь озадаченно хмурится она.

– Извините, госпожа Глафира, – пугаюсь я, опуская-таки глаза в пол.

– Глаза, бес бы тебя побрал! – осекает она меня, делая шаг вперёд. – Я о другом. Сначала я думала, что мне показалось, да и взволнована была слишком, но сейчас... Ты совершенно точно разговариваешь не как служанка!

– Если вы чуть яснее поставите вопрос, госпожа, возможно, я смогу на него ответить, – едва слышно замечаю я.

– Вот! Об этом я и говорю! Ты, словно... образованна!

– О... – доходит, наконец, до меня. – Нет. Всё дело в моей матери – она работала гувернанткой, а по вечерам и нас с сестрой учила читать. Вы должны её помнить, госпожа...

Настаёт её очередь округлять рот в форме буквы «о», девушка явно ошарашена, и потому она буквально падает на своё прежнее место, глядя теперь на меня совершенно другим взглядом:

– Так ты... Ивушка... А она... Лили... – словно прямо сейчас госпожа осознаёт истину. – Вы её дочери.

– Да, мама любила нас с сестрой так звать, – чувствую и я некоторое недоумение.

Мама говорила о нас с младшей госпожой?

– Что ж! – отмирает девушка, становясь самой собой. – Выходит, задача упрощается! Ваша мама была прекрасным учителем, хорошо, что она успела и тебя научить основному. Вернёмся к талантам. Меня учили играть на арфе, как ты могла заметить, учили петь, вышивать и многому другому, к чему у меня совершенно не лежала душа. Выбери что-то из этого и попробуем научить и тебя.

– О, моя сестра прекрасно вышивает! Я могу попросить её помощи.

– Замечательно! Так и поступим. Теперь о манерах...

Остаток дня проходит в мучительном изучении правильного наклона головы при том или ином приседании; в изучении того, как и с кем я должна говорить; в освоении моды. Моды! «Это важно, потому что столичная мода отличается от нашей!» Но я ни за что не должна выглядеть вульгарно или слишком скромно, иначе, попорчу репутацию госпожи.

У меня буквально лопается голова от всей информации, что пытается в неё сунуть Глафира. Она безумно торопится рассказать мне, как можно больше, что просто перескакивает с темы на тему и обратно. При этом она иной раз бросает на меня странные взгляды, словно хочет поговорить совершенно о другом, но не решается. И снова перескакивает на длину рукава платья, предназначенного, например, для бала.

Я чуть ли не благодарю вслух служанку, которая приходит позвать госпожу на ужин.

– Скоро спущусь, благодарю, – бросает ей Глафира, и когда та выходит за дверь, говорит мне: – На сегодня закончим. С завтрашнего дня начнём обедать вместе, в моих комнатах. Обед – самый плотный из приёмов пищи, надеюсь, это и поможет тебе набрать нужные формы. Плюс, тебе необходимо научиться правильно вести себя за столом. Напомню, никто не должен догадаться о том, чем мы с тобой занимаемся. На все вопросы слуг отвечай, что мне приспичило проводить время со своей ровесницей, что я устала от общества старух. Потому и избавилась от своей прошлой личной служанки. Кстати, с ней будь особенно осторожна. Эта старая карга любит совать свой длинный нос куда не следует. Ну что ж, – переводит она дух. – Иди.

И она вновь уходит первой, позволяя мне с облегчением упасть на стул, на котором недавно сидела сама.

Ну что ж, – цитируя мою госпожу, – всё гораздо сложнее, чем я могла себе представить. Ума не приложу, как мне это всё запомнить в короткие сроки!

В животе урчит, и я вспоминаю, что за сегодняшний день лишь завтракала. А Лилия? Усталость в один миг отступает, я подсказываю с места и несусь в нашу новую комнату. Узнаю у сестры не голодна ли она и обещаю очень скоро вернуться с ужином, не обращая внимания на её крики в спину о том, что я должна ей всё рассказать. Ничего, потерпит ещё чуть-чуть.

На самом деле, я не особо представляю, как ей рассказать обо всем. Возможно, поэтому и оттягиваю, как могу, этот момент.

На кухне из слуг почти никого нет – обычно в это время все, как раз, заканчивают работу, чтобы потом спокойно поесть. Я никогда ни с кем особенно не общалась – так повелось ещё при живых маме и бабушке. Нам, словно хватало общения друг с другом, плюс, мамин статус не делал нас своими среди слуг, но и господам мы не были равней. Впрочем, бабушка буквально

настаивала на том, чтобы мы ни с кем не дружили. Из-за меня. Из-за моего дара-проклятья. Потому и после их смерти я по привычке сторонилась всяких людей.

Вот и сейчас я скоро наливаю в миску лукового супа из огромной кастрюли, подхватываю пару булочек и сажусь на самый край стола, у стены, чтобы никому не бросаться в глаза.

Есть я привыкла быстро, чтобы в короткие сроки возвращаться к сестре. Потому уже через пять минут набираю вторую миску супа, чтобы отнести её Лилии. В этот-то момент надо мной и нависает женщина чуть выше меня.

– Ты! Маленькая дрянь!

– Простите? – округляю я глаза.

– Чо мне твои извинения! Ты заграбастала моё место, а мне теперь прикажешь чистить камин?

Ох. Выходит, она и есть та старая карга, по выражению госпожи? Правда лет женщине от силы тридцать-тридцать пять. Старой она точно не выглядит. А вот свирепой и опасной – определённо.

– Мне... мне жаль, что так вышло, – пытаюсь я её задобрить.

– Ей жаль, слышали? – смеётся она злобно, ни к кому в особенности не обращаясь, но немногочисленные голоса в помещении затихают. Как-никак хоть какое-то развлечение намечается. Бесы! – Чо ты нагородила госпоже, а? Поди, на жалось давила, а? – Тут женщина начинает кривляться, заставляя меня усомниться в правильном определении её возраста, или он не показатель ума? – У меня больная сестрёнка, возьмите нас под своё крылышко. Она же у меня калека, пожалейте нас-бедненьких. Так это было? Прикрылась своей калекой и отхапала место получше?

У меня с детства нетерпимость к несправедливости, потому уже после первого употребления ею слова «калека» в моей груди закипает злость. А злиться мне решительно нельзя. Но что я могу поделать, когда меня несправедливо обвиняют в том, чего я не делала, и ко всему этому приплетают мою сестру? Конечно, я взрываюсь!

– Не смейте так говорить о моей сестре! – выкрикиваю я.

– Ещё как посмею! Чо ты, чо она – хитрые дряни!

На её последнем слове сначала трескается, а затем и взрывается, разлетаясь осколками по всей кухне, стекло в маленьком окошке. Мгновенно поднимается шум – все напуганы и не понимают, что произошло. Зато понимаю я. Моё проклятье вырвалось из-под контроля. Слава Богам никто не пострадал!

Бывшая личная служанка госпожи тоже пугается и отвлекается от меня, ну и я, сгорая от стыда и страха, пользуясь поднявшимся шумом, подхватываю тарелку с супом и булочки. Убежать! Скорее убежать от того, что я натворила.

В детстве я воспринимала свой дар, как что-то естественное. Как те же руки и ноги. Я управляла им с той же легкостью, с которой моргала. Пока бабушка не объяснила мне, что то, что я могу – плохо. Запретно. И ненормально для остальных людей.

Мне тогда было пять лет, и она впервые увидела, как я пользуюсь магией. Как это называется я узнала тогда же. Нет, я не пыталась скрыть её от глаз родных, я тогда наивно полагала, что так может каждый, что любой волен, например, поменять цвет платья, если любит другие цвета или погасить свечу, не вставая с кровати, или же зажечь её, если темнота вдруг начинает пугать. Я считала, что мама, что бабушка могут заставить лететь посуду через всю кухню. Что они с той же легкостью могут создать воронку в воде, налитую в таз, чтобы было веселее умыться перед сном.

И, наконец, я не видела ничего плохого в том, чтобы поднимать опавшие листья с земли и кружить их в воздухе, веселя маленькую сестрёнку.

Помню, какой тогда напуганной и одновременно злой выглядела бабушка!

Она отбросила таз с постиранным бельём на землю, которое собиралась развесить сушиться на ещё тёплом осеннем солнце, и подбежала ко мне, чтобы больно обхватить руками мои плечи и хорошенько меня встряхнуть:

– Иванна! Нет! Тебе ни в коем случае нельзя так делать!

– Как? – испуганно переспросила я тогда, потому что не понимала, что из моих действий ей пришлось не по нраву.

– Магия! Тебе нельзя ею пользоваться! Это опасно, Иванна! Никогда, слышишь – никогда! – не смей поднимать с земли листья! Или делать ещё что-то необычное! Тебе необходимо держать свою силу в себе и никому и никогда её не показывать! Ты поняла меня, Иванна?!

В тот день она выпросила меня обо всём том, что я умела делать, и приказала смотреть на неё или на маму, чтобы понимать, что можно, а что нельзя. Я ужасно испугалась того, что разозлила её, что делала плохое, то, что делать не следует. Я задавила в себе магию. Спрятала её ото всех, и от себя в том числе.

Я смогла отказаться от дара, от удобств, что он приносил, да, но магия никуда не исчезла. И через несколько лет дала о себе знать.

Только-только стало известно о гибели отца на приграничной войне, куда его несколько лет назад призвал Король. О, эта война казалась бесконечной и была символом несчастья всех жён, какое бы положение не занимали их мужья. Стычки на границах вспыхивают и по сей день. Наш враг не желает отступать в попытке захватить Королевство.

Именно тогда мама и бабушка были вынуждены пойти в услужение к кому-то, кто мог предоставить нам крышу над головой, горячую миску супа и кусок хлеба. Без отца мы уже не имели возможности жить той жизнью, к которой привыкли.

Естественно, уже скоро об этом знали все соседи, в том числе злой мальчишка, сын одного из торговцев, который быстро набирал очки в глазах Короны. О, этот мальчишка любил меня дразнить и до случившегося, но в тот раз перешёл все мыслимые границы, назвав моего отца трусом, которого убили из-за попытки сбежать от сражения.

Наверное, тогда-то и началось моё нетерпение к несправедливости.

Я жутко разозлилась, и мальчик в то же мгновение взлетел в воздух, а затем с силой ударился о землю. Он сломал руку, и во мне тоже что-то сломалось. Я испугалась своих сил. Безумно! Я никогда не хотела причинять кому-либо вред, как бы сильно меня не разозлили.

Сыну торговца помогла бабушка. Она каким-то образом убедила его, что он упал сам, что я к случившемуся с ним не причастна. Ума не приложу, как ей это удалось, но мы спокойно покинули родной дом, и я больше никогда не видела того мальчишка.

С тех пор моя магия затихла на долгое время, но сильные чувства её нет-нет да пробуждали. Я жутко боялась, что однажды кто-нибудь от неё пострадает, потому что больше не могла контролировать её силу. Поэтому душила своё проклятье со всем своим внутренним рвением. А позже узнала, что моя магия опасна не только для окружающих, но и для меня самой.

И вразумила меня вновь бабушка, поведав древнюю историю.

Она рассказала мне, что давным-давно таких, как я, было много. Что они, не скрываясь, использовали свою силу, помогали страждущим, защищали невинных, ну и попросту жили обычной жизнью среди обычных людей. Но однажды тогдашнему Королю перестало нравиться то, что кто-то обладает силой больше его собственной. Эти девушки и женщины его пугали. Он принял решение, что Корона должна управлять такими же простыми людьми, как он сам. Никакой магии. Никакой силы, которая может угрожать его положению.

Настало время истребления магии. Таких девушек и женщин, как я, стали звать ведьмами, их заключали под стражу, а затем убивали.

И меня скорей всего Корона убьёт, если узнает, что я ведьма.

Младшая госпожа даже не представляет какой опасности меня подвергает. И себя, и свою семью. И самое главное – мою сестру. Впрочем, она и не должна такое предполагать, верно? Если кто-то и что-то должен, так это я.

И в первую очередь – это научиться владеть своими чувствами. То, что сейчас произошло на кухне, никогда не должно повториться.

Я просто не имею права выходить из себя!

– Ты выглядела спокойнее, перед тем как уйти на кухню, – выводит меня из раздумий настороженный голос сестры. – Опять что-то случилось?

Ох уж это её «опять» – усталое, обречённое, словно передо мной сидит наша бабушка. Кстати, это уже не первый раз, когда я замечаю подобную схожесть, хотя Лилия, будучи здоровой и энергичной, очень мало времени проводила с бабушкой. Та больше следила за мной, а точнее за тем, чтобы я скрывала свою силу и красоту.

– Немного вышла из себя, – дёргано жму я плечами. – Но ничего серьёзного. Ешь.

– Пожалуйста, – взмаливается сестра. – Я и так весь день, как на иголках, только и строю догадки, одну хуже другой. Расскажи, что на самом деле сегодня случилось.

Я долго смотрю на Лию, раздумывая с чего бы начать, и так и ничего не придумав, осторожно спрашиваю:

– Скажи, тебе же нравилось в деревне у господ?

Оказывается, я зря переживала о том, что Лилии может не понравиться то, что ей придётся уехать в деревню и расстаться со мной. Да, после моего рассказа она долго возмущалась, спорила, огрызалась и переживала. Но я хорошо запомнила, как загорелись её глаза при упоминании деревни. Тут же вспомнилось, как она надолго пропадала со своими тамошними подругами и возвращалась с ярко блестящими глазами. Отголосок того блеска проскочил и тогда, когда я сообщила, что старшая госпожа возьмёт на себя обязательства по устройению её замужества. Не нужно иметь семь пядей во лбу, чтобы понять, что там есть юноша, который нравится моей сестре.

Она не сказала этого мне прямо, но вся её защита и неприятие будущего были не большим, чем обыкновенным страхом. Моя сестра перестала быть той энергичной и беззаботной девочкой, какой была пару лет назад. Конечно же, она хотела увидеть и подруг, и того юношу, но боялась того, как они все воспримут новость о её недуге. Захотят ли вновь общаться?

Я всё это понимала, убеждая сестру, что у нас в любом случае нет другого выбора – мы не имеем права не подчиняться воле господ, а сердце моё сжималось от боли за неё. Как же я хотела знать способ, который ей помог бы. Если не встать на ноги, то хотя бы принять себя такой, какая она есть.

В итоге, не обращая внимания на нахохлившиеся от обиды и злости как воробушек, сестру, я, сославшись на длинный день и усталость, уношу пустую посуду в такую же пустую кухню, где о случившемся напоминает вставленная в окно вместо стекла тряпица, и возвращаюсь обратно, чтобы тут же упасть лицом в подушку и крепко уснуть.

Глава 3

Начиная со следующего дня, я едва замечаю, как быстро ускользают минуты, дни, недели...

Каждую секунду отъезд из усадьбы господ всё ближе и ближе. А также расставание с сестрой. И безумно страшная встреча со столицей, с её обитателями и обитателями королевского замка. С самим Королём.

Получится ли у меня безупречно сыграть роль Глафиры, дочери господина Краз, наместника в пятом поколении благоухающего Юго-восточного края?

Впрочем, сама Глафира делает всё возможное и невозможное, чтобы получилось.

Бесконечная вереница объяснений, правил этикета, манер.

Я даже не догадывалась, что благородные девицы должны по-разному приветственно приседать перед господином в зависимости от его статуса. Это мы – слуги, кланяемся всем одинаково, а девицы обязаны приседать тем глубже и опускать голову тем ниже, чем выше положение у мужчины. Только у них. Женщины же все равны друг перед другом. Разве что сама Королева находится на ступеньку выше остальных. В данный момент у нас нет Королевы, – скончалась несколько лет назад, – и как с ней себя вести, Глафира не посчитала нужным мне объяснять.

Информации в голове появляется столько, что с каждым днём становится труднее дышать.

И спектакль разыгрывать приходится уже сейчас, при любом удобном случае.

Стоит любому из слуг приблизиться к нашей тесно-сплочённой компании ближе, чем на пять метров, как старшая госпожа начинает громко причитать о том, что, мол, с ума здесь, в родовой усадьбе, без своей кровиночки сойдёт, потому уедет вместе с ней, но только в деревню, куда возмёт с собой лишь несколько слуг, чтобы на свежем воздухе мечтать о том, как её дочь станет Королевой. А если та не станет ею, так мать дождётся дочь там, в деревне, с распростёртыми, утешительными объятиями.

К слову, чем больше времени я провожу в компании старшей и младшей госпожи, тем больше узнаю обеих, тем удивительнее для меня является растущая симпатия к Глафире. Я долгое время считала её глупой и поверхностной, но то была маска.

Госпожа Ираида же пугает меня. Своей хваткой, хитростью и расчётливостью. Но при этом она обладает таким достоинством, как умение держать обещания. Для меня это самое важное, потому что именно на её попечение я оставляю свою сестру.

Несмотря на обучение, ежедневное подражание Глафире по её же команде и под цепким, оценивающим взглядом, – обязанности её личной служанки никто не отменял. Те же уроки сестры по вышиванию, которые совершенно не хотят мне поддаваться – я лишь каждый раз истыкиваю иглой все пальцы.

Мне приходится вставать ни свет, ни заря, делать приготовления к пробуждению госпожи, практиковаться в вышивании в любую свободную минуту, помогать госпоже одеться, самой наряжаться в господское платье, чтобы привыкать к дорогой ткани. Но всё это лишь до обеда – это время слугам строго запрещается беспокоить младшую госпожу. А затем нам накрывают стол в гостиной, и мне, конечно же, сначала приходится помогать, а затем и обучать-учиться. Что является особенным мучением, потому что я и поесть нормально не могу, и в приборах постоянно путаюсь, за что каждый раз получаю нагоняй от «учительницы».

Каким образом я поправлюсь до размеров госпожи, я не имею ни малейшего представления.

После обеда вновь информация. Много информации. Всего не упомянуть, вот как ни старайся. Зато время ужина я провожу с сестрой на лоджии среди благоухающих растений в боль-

ших и маленьких горшках – это моё любимое время. Сестра, кстати, в какой-то момент смиряется с нашей общей участью и всё чаще заговаривает о деревне, о том, как сильно и изменились ли вообще её знакомые. Так же она безумно переживает обо мне, постоянно выведывает, что я узнала и запомнила из нового. Но в любом случае, в этот короткий час я дышу свободнее. А затем вновь красивое платье и украшения, приседания, танцы! И подготовка ко сну.

Меня по-настоящему беспокоит по какой такой причине Глафиру буквально передёргивает, стоит ей услышать или упомянуть самой Короля; как и то, почему она прикладывает столько усилий, чтобы избежать отбора. Вот я и не выдерживаю однажды вечером, расчёсывая её длинные белокурые локоны, и спрашиваю осторожно:

– Глафира, скажите, что не так с новым Королём? – а вот и дрожь отвращения, дёрнувшая её плечи. – Почему вы считаете его чудовищем?

– Потому что он и есть чудовище, – тихо и зло произносит она и присматривается ко мне через отражение в зеркале внимательнее, словно решает стоит ли мне доверить продолжение фразы. Решает, что стоит. Она резко поднимается со стула без спинки, обхватывает мои руки своими прохладными пальцами и усаживает нас обеих на край огромной кровати под балдахин, пока убранным подхватами к столбикам. Сужает глаза и говорит страшным голосом:

– Я кое-что о нём знаю. Почти из первых уст!

То, что она в следующее мгновение рассказывает мне, могло быть не больше, чем сплетни служанок, но во мне рассказ отзывается тревожными мурашками по коже. А вдруг правда? Вдруг Короли во все времена были чудовищами, и на красавицах потому помешались? Скажем так, восполняли то, что им самим от природы не было дано? Или же надеялись, что потомки возьмут себе хотя бы часть красоты матери?

В общем, тогда госпожа навещала свою подругу Агафью, в доме её не оказалось, потому что та гуляла в саду, «несчастной» госпоже пришлось идти её искать. Проходя мимо высоких кустов гортензий, она и услышала за ними разговор двух служанок. О Короле. В другое время Глафира не обратила бы никакого внимания на сплетни прислуги – пусть чешут себе языками. Но как раз тогда объявили о Королевском отборе, и любая информация о новом Короле была просто жизненно необходима! Глафира, не жалея нежной кожи, красивого и недешёвого платья, продралась сквозь кусты и припёрла болтливую служанку к стенке:

– Рассказывай с самого начала! Ну же!

Конечно же, напор госпожи служанку безумно напугал, она и выложила всё, как на духу.

Мол, ей рассказала Сирка, служанка дома Бельвос, той доложила зирская Кирка, а с этой из первых уст поделилась своими впечатлениями от поездки в столицу личная служанка госпожи Василисы, которую один из высших господ пригласил в Королевский замок. Пока господа мило общались между собой, Варька времени не теряла – болтала с тамошними слугами. Вот одна и сообщила ей, что, мол, однажды шла она по нижнему проходу, с очередным поручением от своей госпожи, да так и замерла столбом, когда из-за портьеры вышел мужчина. Высокий, плечистый, а как зыркнул в её сторону, так кровь и заledenела от ужаса. Никогда раньше она такого страха не испытывала. Не видывала. Сердце сжалось в груди, дыхание перехватило, всю её буквально затрясло. Но вот чудовище отвернулось и в мгновение ока исчезло за очередной портьерой, словно его и вовсе не было. Служанку освободил страх, позволив сделать жадный глоток воздуха, а затем и припомнить, что вот точно такие сапоги, с золотой нашивкой вверху голенища в виде не существующей птицы феникс, изготовил, тогда ещё принцу, а ныне Королю, её приятель-сапожник. И видела она эти сапоги своими глазами, что тогда на полке в доме у сапожника, что потом на ногах чудовища.

Короли нечасто баловали своим явлением господ, но по замку же должны были ходить, да хотя бы в трапезный зал! Нет-нет, да и попадались бы на глаза слугам. Да только после того случая, глазастая служанка озадачилась, стала расспрашивать тех, кого знает. И ни один из опрошенных ею не видел своими глазами ни Короля, ни принца.

– Теперь ты понимаешь, почему я хочу избежать отбор? – не скрывая ужаса и омерзения, вопрошает госпожа после рассказа. – Если чудовище выберет меня... Я же совершенно ничего не смогу поделать!

Будь это слишком живым воображением скучающей замковой служанки или действительностью, от которой не сбежать, я жалела благородных девиц и их безысходность. Пусть Король окажется чудовищем или писанным красавцем, наверняка не каждая девица готова отдать ему свою жизнь и свободу без любви. Да ту же Глафиру не прельщает самое высокое из положений, потому что ей не оставили выбора. А этот рассказ, как дополнительная причина, по которой просто необходимо избежать отбор.

С того дня я зачем-то начинаю представлять Короля чудовищем.

Моё воображение рисует мне черные, без бровей, воронки глаз; звериный оскал; и мохнатые лапы, с острыми, отливающими металлом, когтями, вместо рук. А ночью мне снится, как я путаю платье, или приседаю недостаточно низко, или начинаю необходимый танец не с тех движений – меня раскрывают, и Король набрасывается на меня, чтобы съесть.

Забавно, что, испытав во сне ужас, утром я смеюсь над своей глупостью.

Эти сны являются единственным, что меня веселит в течении учебно-мучительного дня.

Но однажды, когда Глафира устраивается в кровати для сна, а я сама с нетерпением жду минуты, чтобы упасть лицом в подушку, девушка окликает меня у самых дверей и просит подойти. Чтобы спросить о том, что её интересовало уже давно. Я хорошо помню наше первое занятие, где она вела себя немного странно.

– Ив, твоя мама... Она была из благородной семьи? Что случилось? Почему вы стали слугами?

Я присаживаюсь на край её кровати в том месте, где госпожа приглашающе похлопывает ладошкой, и улыбаюсь:

– О нет. Моя семья всегда была в услужении у господ, просто маме посчастливилось встретить папу...

– Расскажи, – устроившись удобнее, требует она, а затем добавляется мягче: – Пожалуйста.

– Моя семья по маминой линии поколениями служила в доме Тисс, семье торговца тканями. Детям слуг, как вы знаете, запрещено гулять в саду в неположенное время, а вот господским сыновьям и дочерям выходить в сад тогда, когда им хочется, никто не запрещает. Это скорее негласное господское правило – избегать прогулок в саду в часы, когда там резвятся слуги. Так вот, мой отец был тем, кому с детства нравилось нарушать правила. Сначала они с мамой очень подружились, а когда оба вошли в брачный возраст и вовсе полюбили друг друга. Мой отец заявил своему о том, что кроме мамы ему никто не нужен, и дедушка, обладая мягким характером, дал своё благословение на неравный брак. Жаль, я совсем не помню этого доброго душой человека... Да и бабушка по папиной линии, которая и занялась мгновенно образованием мамы, не дожидая моего рождения. Мамин брак с господским сыном освободил её семью от необходимости служить. А затем папу призвали на войну... Он погиб, а вместе с ним, потому что в семье не осталось мужчин, которые бы могли взять на себя обязанности, умер и наш статус. Бабушке и маме пришлось вернуться в услужение, но мама за счёт своего благородного образования, смогла стать гувернанткой, а нас с сестрой стали учить служить господам. Вашей семье, Глафира.

– Вот это да... Мы могли быть подругами, Иванна, представляешь?

– С трудом, но могу, да, – честно отвечаю я с улыбкой на губах.

– Ив, – вдруг подаётся она ко мне и обхватывает своими тонкими пальцами мои, – подумай о том, что я тебе сейчас скажу. На Королевском отборе будут присутствовать сотни господ-мужчин. Многие и едут туда за невестой, которая могла стать Королевой. У всех девушек,

которые будут на отборе, появляется особый статус – Невеста Короля. Тем они и ценны. И у тебя будет возможность приглядеться к мужчинам, выбрать кого-то себе в мужа, понимаешь?

– Не совсем...

– Ну глупая, тебе нужно будет запомнить имя избранника, а после отбора я сделаю так, что вы познакомитесь по новой! Он в тебя влюбится и будет согласен заключить неравный брак! Совсем, как у твоих мамы и папы!

– Но...

– Ой, никто тебя не запомнит – ты же будешь неприметной! И потом, никому и в голову не придёт, что служанка, могла вырядиться в господское платье. Это, как два разных человека. Ив, у тебя великолепная возможность стать моей подружкой по статусу! А заодно и мне пригляди достойного мужчину, и чтобы они оба жили не далеко друг от друга!

Госпожа хихикает, отпуская меня спать, я и сама веселюсь. Надо же! Присмотреть себе жениха! Словно у меня вдруг появилось право выбирать тогда, когда это право принадлежит исключительно мужчинам. Да, бывают случаи неравных браков, мои родители тому пример, но инициаторами таких редких союзов всегда выступают мужчины. В нашей истории не было ни одного случая, чтобы благородная девица вышла замуж, например, за конюха. И не потому, что она не влюблялась без памяти и была готова потерять свой статус и удобства, которые он предоставлял... У женщин нашего мира в принципе отсутствует право выбора. За них всё решают мужчины.

С того вечера Глафира ещё не раз возвращается к этому разговору, и чаще всего за обедом, за которым иногда сидит и моя сестра. Забавно, но Лилии тоже приходится по душе подобная возможность. И именно на этой почве разговоров зарождается что-то вроде дружбы моих госпожи и сестры. Первая сначала с некоторым высокомерием слушает робкие попытки Лилии поддержать её идею, а в последствии они на перебой фантазируют о будущем, в котором я приобрету господский статус. И не важно, что меня саму он не шибко и привлекает... Или привлекает?

Бесы! Словно мне других забот мало!

С каждым испаряющимся, как вода в кипящем котелке, днём перед отъездом я нервничаю всё сильнее. Что не идёт на пользу моему дару-проклятию. Ни с чего тухнут свечи в гостиной, или дребезжат стёкла в дверях, выходящих на лоджию, а то и вовсе всё тот же огонь в свечах вспыхивает с тройной силой. Благо, госпожа каждый раз находит для себя объяснение этим необычным событиям, а если не находит, то их предоставляет ей моя сообразительная младшая сестрёнка, предварительно бросая на меня выразительные взгляды.

И как усердно я не молю небеса о том, чтобы время замедлилось, день отъезда из усадьбы настаёт.

Накануне мы с госпожами до поздней ночи обсуждаем, всё ли предусмотрели, повторяем план, проверяем меня на способность вести себя, как Глафира, и бесконечно мучаем вопросами, чтобы посмотреть, насколько хорошо я усвоила всю новую информацию.

Неудивительно, что я совсем не высыпаюсь, когда Глафира врывается в нашу с Лили комнату в дорожном платье, которое ей пришлось одевать самой, потому что её несносная служанка всё ещё дрыхнет.

То утро проходит, как в бреду, честное слово.

Всех слуг собирают в холле и объявляют им об отъезде младшей госпожи на отбор, а старшей – в деревню. С собой они берут лишь личных служанок, да конюха, которому доверяют, о чём, конечно же, вслух не говорится. Ну и мою сестру, потому что куда я без неё?

Сундуки с вещами грузят в карету за одно мгновение, и провожать нас выходят все слуги. Особенно мне запоминается ненавистный взгляд бывшей личной служанки Глафиры и, пожалуй, так же хорошо запоминается речь её отца, моего господина.

Он обнимает свою дочь, желает ей большой удачи, а затем смотрит прямо на меня и обещает:

– Я обязательно навещу тебя в столице на балу одного из туров. Помни, что ты представляешь нашу семью и веди себя достойно. Я знаю, ты справишься, моя дорогая.

Поддержка господина, его обещание не оставлять меня совсем одну, прибавляет мне сил.

Мы занимаем свои места в карете и уже через десять минут покидаем пределы усадьбы. Меня тут же посещает мысль о том, что моя жизнь уже никогда не будет прежней.

Путь до столицы занимает пять дней. До деревни – один.

До посёлка, в котором нам предстояло нанять карету и личную служанку для меня, мы добираемся уже к вечеру того же дня. Берём номера в гостинице, а на утро я и Глафира выходим к завтраку уже в новых ролях. Теперь я госпожа, а Глафира моя личная служанка, которую мне вздумалось заменить непосредственно на пути в столицу. Этим вопросом и наймом кареты занимается наш конюх, пока мы завтракаем, а затем гуляем в саду. Глафира держит меня за локоть и бесконечно повторяет то, чему учила меня на протяжении прошедшего месяца. Я не сопротивляюсь, потому что занятая мыслями, как себя вести в будущем, я не думаю о том, что оно вот-вот настанет.

Но как не оттягивай момент расставания, он всё равно приходит.

С сестрой я прощаюсь ещё утром в комнате, где беру с неё обещание о том, что она будет жить полной жизнью и не стесняться самой себя, она же в свою очередь желает мне огромной удачи и просит вернуться целой и невредимой, словно я отправляюсь на войну. Впрочем, отбор и есть война невест, как бы нелепо это не звучало.

У нанятой кареты мы все собираемся ровно в полдень.

Лилия сдерживает слёзы, Глафира шипит о том, чтобы я держала спину ещё прямой и не вздумала опускать глаз, старшая госпожа обнимает меня, как свою дочь, и горячо шепчет на ухо:

– Ну всё, девочка, ты готова. Пора. Помни, от тебя зависит благополучие нашей семьи и твоей сестры. Лилия очень хорошая девочка, мне будет за радость устроить её будущее. Не подведи нас.

– Я очень постараюсь, – выдыхаю я в ответ.

Я правда намереваюсь стараться изо всех сил. Ради сестры.

Настаёт время занять место в карете, но не успеваю я повернуться спиной к провожающим, как мою руку обхватывают пальцы Глафиры:

– Ив, помни, что ты должна присмотреться к мужчинам!

– Хорошо, – проглатываю я ком, который застрял в горле.

Взгляд Глафиры не отпускает, словно она хочет ещё что-то добавить. Но вот она, махнув рукой на осторожность, порывисто обнимает меня, шепчет на ухо о том, что будет скучать, чем немало удивляет, и отпускает, затем подталкивая к карете.

Я занимаю удобное сидение напротив служанки, которая смотрит на меня с благоговением, и сцепляю дрожащие пальцы в замок. Вот и всё. Впереди одна неизвестность.

– Госпожа Глафира, для меня огромная честь сопровождать вас на Королевском отборе! – с воодушевлением причитает Насья, как только карета трогается с места. – Я так рада, что вы выбрали именно меня! Обещаю заботиться о вашем благополучии из всех сил, готова ночами не спать, чтобы вы чувствовали себя даже лучше, чем дома!

– Спасибо, – благодарно выдыхаю я, и сразу же спохватываюсь, добавив в голос холода: – Отныне это твоя прямая обязанность, Насья.

Девушка часто кивает, а я сажусь прямой и отвожу надменный взгляд в сторону.

Пора забыть об Иванне, теперь я госпожа Глафира, дочь наместника юго-восточного края.

Боги, дайте мне сил справиться с любыми возможными трудностями нового статуса!

Глава 4

Чем ближе мы приближаемся к столице, тем сильнее я нервничаю. Потому большая часть времени нашего пути напрочь вылетает из моей памяти. Вот мы останавливаемся на ночлег в красивой гостинице, а через минуту перед глазами вновь плывут бесконечные поля или высокие горы. А вот мы делаем остановку для короткого отдыха у невысокого водопада, в брызгах воды которого причудливо играют лучи яркого солнца, и снова обшитые бардовым бархатом стены кареты да узкое окошко за ажурной занавеской.

Посёлки, небольшие города, оставшиеся в памяти лишь благодаря одной мысли: их жители, каждый занимается своим делом, и никому из них невдомёк, что я собираюсь выдавать себя за другого человека. Они и представить не могут, что в мимо проезжающей карете сидят две служанки без своей госпожи.

В общем, кажется, я ещё пять минут назад находилась за два дня пути до столицы, а оказывается мне уже сейчас нужно выйти из кареты, чтобы предстать перед величием Королевского замка.

Ноги дрожат, когда я поднимаюсь с места и делаю пару шагов к выходу. Насья уже ждёт меня снаружи и что-то щебечет, но я не слышу, что именно, потому что ужасно волнуюсь.

Ещё миг. Ещё один вздох. Ещё один шаг, и я поднимаю глаза от носков туфель на своих ногах, стоящих на брусчатке, чтобы позабыть обо всём на свете и утонуть в величии бесконечно красивого замка передо мной. В том числе, я забываю и о волнении.

Свет луны серебрит тяжёлые камни, окрашивая стены в мягкий белесый цвет, а оранжевый, очень насыщенный, свет в окнах тёмными тенями перебивает эту мягкость. Удивительное сочетание нежности и силы. А ещё сам замок, словно бесконечный: где-то этажей больше, где-то меньше, но каждый ажурный шпиль на башенках тянется к небу, к луне, словно хочет до неё дотронуться. И нависшая над замком туманная мгла прячет от глаз те участки здания, которые наверняка дотянулись до луны, оставляя нам, зрителям, их тёмный абрис да ощущение таинственности.

Пожалуй, только ради этого мгновения стоило затевать то, что мы затеяли.

Жаль, что насладится им, как следует, мне не позволяют.

– Имя, госпожа? – грубо вопрошают у меня над ухом, и мне приходится перевести взгляд на женщину сурового вида с большими глазами и тонкими, сжатыми в полосу губами.

Радует уже то, что, несмотря на свой восторг, на госпожу я откликнулась.

– Глафира, – чуть прокашливаюсь я и сильнее выпрямляю спину. – Глафира из дома Краз, дочь наместника юго-восточного края.

– Меня зовут Марьяна, я здесь, чтобы следить за комфортом претенденток на трон, как и за тем, чтобы те вели себя достойно. Идите за мной, Глафира. И не отставайте! Терпеть не могу черепах, – добавляет она уже тише.

Приятная женщина. И очень шустрая!

Я еле поспеваю за ней, путаясь в юбках, потому времени, чтобы разглядеть убранство замка изнутри не нахожу. Но ничего, наверняка девушек строго на строго не заставляют сидеть в комнатах, которые им выделяют. Так что шанс осмотреться, как следует, у меня ещё будет.

– Сейчас мы находимся в специально отведённом крыле для невест, – бодро рассказывает Марьяна, словно её дыхание не знает, что такое сбиваться от быстрой ходьбы. – Оно полностью в вашем распоряжении. Здесь есть общие гостиные, большая и малая трапезные, снаружи имеется сад. Так же есть музыкальные и прочие комнаты, чтобы вы могли заниматься своими талантами. Что касается остальной части замка – бродить там без веской причины не желательно. И запомните! Невестам строго запрещается посещать крыло Короля без его разрешения! И уж тем более его покои.

Похоже, уже были случаи. Забавно.

– ...Покои невест находятся на втором и третьем этажах. Ваши – на третьем, – бросает она через плечо, меряя меня надменным взглядом и быстро семена вверх по лестнице. – Надеюсь, вы останетесь ими довольны.

– О, дома мои покои тоже находились на третьем этаже, мне не привыкать, – пытаюсь я её задобрить.

– Разумеется. Где ещё могут быть покои сельской девицы? – спрашивает она саму себя, а я решаю впредь молчать, пока ко мне не обратятся с вопросом.

– Пришли, – распахивает женщина одни из множества резных дверей на этаже и пропускает меня внутрь. – Ваша служанка уже сейчас получает расписание на ближайший месяц. Устраивайтесь, обживайтесь, будут вопросы – отвечу с удовольствием, – без удовольствия предлагает женщина. – Я всегда буду поблизости, – а это уже звучит, как угроза. – И напоследок совет от женщины, которая имеет честь принимать в этом замке уже второе поколение невест: забудьте о том, что вы когда-то были капризной и избалованной дочерью своих родителей. Теперь вы претендентка на трон, на сердце нашего Короля – учитесь уже сейчас вести себя достойно Королевы. Это умение вам пригодится, даже если вы ей не станете.

Чудесный совет, а главное – вдохновляющий.

Знать бы ещё что такое – вести себя достойно Королевы...

Женщина уходит, закрывая за собой двери и оставляя меня в одиночестве, и я решаю осмотреться в месте, где мне предстоит провести несколько месяцев.

Сейчас я нахожусь в просторной гостиной, утопающей в ярко-оранжевом свете за счёт неровных полусфер, закреплённых на каждой из четырёх каменных стен. Мне раньше не доводилось иметь дело с таким освещением, но я слышала о нём. В крупных городах, и уж тем более в замке самого Короля, уже давно пользуются электричеством. Сама комната узкая и продолговатая: с одной стороны большие двухстворчатые двери-выход, с другой – огромное окно в пол, которое обрамляют тяжёлые, насыщенно-сиреневого цвета шторы, а справа от выхода на равном расстоянии друг от друга располагаются две одностворчатые двери. Та, что выглядит совсем неприметной и к тому же наполовину прикрыта портьерой, я уверена, ведёт в комнату, отведённую служанке. Вторая, соответственно, скрывает за собой господскую спальню.

Из мебели здесь стоят круглый стол со строго-прямой парой стульев у окна; мягкая зона для приёма гостей почти у входа: короткий диван, три кресла с резными подлокотниками и крохотный круглый столик, опять же на резной ножке; на каменных стенах, выкрашенных в бледно-сиреневый цвет, висят картины с пейзажами разнообразных озёр, лесов и гор. Вот, пожалуй, и всё.

Теперь можно заглянуть и в спальню...

Но не успеваю я сделать и шага, как в двери коротко стучат, а затем на пороге появляются двое слуг, в руках которых сундук с вещами Глафиры.

Один из них просит прощения за беспокойство, они оставляют сундук у дверей в спальню и тут же покидают покои.

– Госпожа! – вихрем влетает в комнату Насья, потрясая бумагой в руке. – Расписание уже у меня. Вот оно! Боги! Как тут всё слаженно! А как красиво! Госпожа, вы видели огромную статую первой, после Королевского отбора, Королевы на входе? До чего величественная и красивая женщина! О, я так счастлива, что нахожусь здесь!

– Не видела, – улыбаюсь я, глядя на бурлящую жизнью служанку.

Возможно, я вела бы себя так же, будь на её месте.

Насья вдруг замирает, смотрит на меня секунду, а затем опускает глаза в пол:

– Простите, госпожа Глафира, мой буйный восторг. Желаете принять ванну и отправиться спать? Вы устали за дорогу, знаю. Мне не положено так себя вести.

Интересно, что в моей улыбке её так остудило?

– Всё в порядке, Насья.

– Всё верно, вам не до красот замка, у вас дела поважнее, чем любоваться статуей, это я глупая... Но я мигом исправлюсь! – вновь воодушевляется девушка. – Я отлично разбираюсь в пахучих травках для ванн, сейчас приготовлю вам та-а-акую ванную... С паром, расслабляющую! Благо, здесь всё устроено по высшему разряду! Это мне одна из служанок рассказала, пока я ждала расписание...

Она продолжает ещё что-то лепетать по дороге в спальню, не прекращая с любопытством осматриваться по сторонам.

Я, недолго думая, иду вслед за ней.

Мы обе замираем перед абсолютно потрясающего вида кроватью. На полкомнаты, не иначе! Наверное, на ней с удобством могут разместиться человек пять, и то между ними останется пространство достаточное для того, чтобы ворочаться всласть.

Четыре мощных резных столбика удерживают на себе бархатный балдахин; на высоком матрасе, накрытом плотным покрывалом с замысловатым рисунком переплетения невиданных растений, лежит гора подушек и разбросаны лепестки роз нежно-розового цвета.

Цвет невинной девушки, невесты.

Ох...

Насья приходит в себя гораздо раньше меня и скрывается за дверью с правой стороны от кровати, я же подхожу к виновнице моего немого восторга и осторожно подхватываю пальцами нежный лепесток.

Мы все для *неё* невесты. Все до одной! Каждую из нас одарили знаком невинности, которую несут в себе эти лепестки. Должно быть в Королевском саду огромный рассадник розовых роз, ведь столько кроватей нужно устелить их лепестками!

Ладонь неожиданно обжигает, а в следующие мгновение я вижу, как с неё летит, растворяясь в воздухе, пепел...

Не успеваю я осмыслить то, что сейчас произошло, как каждый лепесток на кровати вспыхивает ярким огоньком, гаснет и развеивается пеплом по комнате, чтобы через секунду безвозвратно исчезнуть блеклыми искрами.

Вот и правильно. Лично я ему не невеста, а только делаю вид.

– Боги, госпожа! – Я вздрагиваю от голоса Насьи и поворачиваюсь к ней. Она воодушевлённо продолжает: – Сама ванна просто огромная! И у неё позолоченные края, представляете? Не обманула меня та служанка...

Девушка вновь скрывается в недрах ванной комнаты, а я тихонечко выдыхаю.

Что же мне делать со своей магией?

Похоже, придётся по возможности большую часть времени быть в одиночестве.

Что ж, принять ванну я могу самостоятельно и переодеться ко сну тоже. Насья не была знакома с настоящей Глафирой, потому я легко могу ввести её в заблуждение, что, пусть я и высокородная девица, но девица не безрукая, потому что нутром не переносу, например, чужих прикосновений, как и излишней заботы.

На следующее утро я просыпаюсь ни свет, ни заря. Привычка. Лежу некоторое время в кровати, наслаждаясь мягкостью подушек и одеяла; во всём теле ощущается приятная нега; и аромат... Моя кожа буквально благоухает, благодаря Насье и её знанию травок.

Всё же моя сопровождающая – приятная девушка. Чересчур болтлива, да, но это не со зла, а скорее от наивной веры в то, что ей несказанно повезло участвовать... в обмане самой Короны.

Незнание – счастье, когда не доводит до беды.

Девушка с пониманием отнеслась к тому, что переодеваться или принимать ванну я люблю в одиночестве. Расстроилась, что в полной мере не сможет окружить свою «госпожу»

заботой, да, но спорить не стала. Потому что не положено служанкам спорить с благородными девицами.

Я сладко потягиваюсь, улыбаюсь непонятно чему и решаю, что пора вставать. Подхожу к окну и раздвигаю тяжёлые шторы, приятные на ошупь, к слову. Солнце ещё не поднялось, но уже подсвечивает часть дворца напротив с его обратной стороны. Двор, куда выходит моё окно, украшает огромный фонтан со статуей невиданной птицы. В его глубине застыла ровной гладью чёрная в этом свете вода. И выглядит это всё таинственно красиво...

Я вновь улыбаюсь своим мыслям и иду в гостиную за платьем.

Блаженство, которое овладевает мной с самого утра, пугает, но не до такой степени, чтобы я начала всерьёз волноваться. Всё же, если забыть по какой причине я сюда попала и для чего здесь нахожусь, можно думать, что меня настиг неожиданный и приятный отдых. По крайней мере, до тех пор, пока не начнутся неизвестные, а тем и страшные, испытания.

Глафира позаботилась о том, чтобы первые несколько дней я не мучилась выбором, что одеть. Потому я беру верхнее платье и возвращаюсь в спальню. А после того, как, не спеша и тщательно расправляя каждую складочку на пышном подоле, одеваюсь, вновь возвращаюсь к окну и усаживаюсь на мягкие подушки, в беспорядке разбросанные по низкому подоконнику.

Двор перед моими глазами с каждой минувшей секундой постепенно оживает.

Вот из-под одной из арок показывается слуга. Потягивается навстречу солнцу, зевает и направляется к фонтану. В одной из рук он держит ведро и сачок для вылавливания мусора из воды. Юноша обходит фонтан и приступает к делу. Вскоре его отвлекает служанка, которая куда-то спешит, пересекая двор. Он поднимает руку, очевидно, чтобы поприветствовать девушку, но в последний момент передумывает и просто провожает её спину взглядом, пока та не скрывается в темноте арки.

Я улыбаюсь, а юноша вновь приступает к своему делу.

После во дворе появляются и исчезают другие служанки или слуги, спешащие по своим делам. Яркое солнце уже окрашивает в тёплые тона мою комнату, огромную кровать, которую я, не сдержавшись, заправила сама. Ломанные тени у арок становятся всё меньше, а золотистый свет всё ближе подбирается к фонтану и к слуге, которого часто что-то или кто-то отвлекает от дела. Но вот он распрямляется, потирает ладонью шею, разминая её, а затем приседает за бортиком, и из каждого кончика пера на расправленных в обе стороны крыльях могучей птицы вырывается вода и брызгами врывается в бассейн. Слуга тут же уходит, не обращая никакого внимания на красоту, которую собственноручно сотворил. Очевидно, уже привык. Я же не могу оторвать глаз от тонких серебристых струек, к которым подбирается солнце. А следом птица начинает вращаться вокруг своей оси...

Боги! Какая красота! Нереальная!

Вода тоже умеет кружиться в танце!

И тут...

– Госпожа! Боги! Я проспала... – Насья замолкает, глядя на меня во все глаза.

– Ничего страшного, Насья, я уже давно встала.

Девушка сглатывает, бросает недоумённый взгляд на заправленную кровать и так же недоумённо вновь смотрит на меня. Секунда, и она спохватывается:

– Простите меня, госпожа! Это чудо, что вы уже не спите! Пойдёмте скорее! Перед завтраком у всех невест встреча со Смотрительницей. И она уже началась! Как же я... Мне очень-очень жаль, госпожа Глафира...

– Перестань причитать и веди меня куда нужно! – подсакиваю я с подоконника. – Ты же знаешь куда идти, Насья?

Воодушевления, как не было, теперь моё нутро заполняют волнение и страх: мне нельзя обращать на себя пристальное внимание! А опоздание на общий сбор именно это и сделает!

Бесы! Нужно было самой ознакомиться с расписанием!

Подхватив юбки, я бегу вслед за Насьей сначала по коридору, затем по лестнице вниз и снова по коридору уже первого этажа. Опять совершенно нет времени осмотреться. Прямо какая-то напасть!

В какой-то момент Насья сбавляет скорость и, шевеля губами, пытается отыскать дверь, за которую нам нужно попасть. Я начинаю волноваться сильнее. Хотя казалось, что уже некуда.

– О, слава Богам! – выдыхает девушка, останавливаясь недалеко от распахнутых настежь дверей. – Вам сюда, госпожа. Удачи, и ещё раз извините меня.

Я не отвечаю Насье, пробегая мимо неё в открытые двери.

Но уже буквально на пороге останавливаюсь как вкопанная.

Боги! Сколько здесь невест? Около тридцати? Больше? И все стоят в несколько рядов перед Смотрительницей, которая сейчас находится ко мне спиной, и через плечо смотрит прямо на меня.

Кто-то из невест фыркает на моё появление, кто-то смеётся, некоторые глядят высокомерно и холодно, словно копируют взгляд Смотрительницы, полностью развернувшейся ко мне...

Бесы!

– Вот вам, милые девушки, наглядный пример того, как никогда не позволит себе поступить настоящая Королева! – Женщина осуждающе вздёргивает брови и ведёт рукой по направлению к строю невест: – Прошу вас, Глафира. Становитесь в последний ряд и хорошенько напрягите слух. То, что я буду говорить, вам пригодится особенно.

Я опускаю взгляд в пол, чувствуя себя провинившимся ребёнком, и семеню в последний ряд. Знаю, что благородная девица не должна опускать плеч и головы, но досада и стыд настолько сильны, что топят в себе все установки, так тщательно вбиваемые в меня Глафирой.

В добавок ко всему, по пути я собираю пренебрежительные усмешки, слышу шёпотки невест между собой и буквально чувствую на себе высокомерные взгляды нескольких десятков глаз.

Осталось моей магии вырваться – и будет совсем прекрасно!

Эта мысль пугает, заставляя меня взять себя в руки, расправить плечи и поднять глаза от пола.

Ну уж нет! Я не позволю ни одной благородной девице вывести себя из равновесия и накликать беду на сестру и семью госпожи! Не дождуся!

– Итак, как я заметила ранее, до того, как нас с вами прервали, – вновь заговаривает Марьяна, – вам всем предстоит научиться тому, как быть настоящей Королевой! Послушной женой, мудрым советником, интересной собеседницей, внимательным слушателем и достойной правительницей, подле своего благородного Короля. Вам, как Королеве, предстоит...

Да-да, Глафира рассказывала мне о вводной части то, что ей самой было известно. Потому я, продолжая слушать в пол-уха, решаю оглядеться среди невест.

Вы знали, что красота вещь неоднозначная? Что она бывает разной?

У кого-то она холодная, как лёд. У кого-то – жгучая, как яд змеи, готовый к нападению. Другую можно сравнить с непроглядной ночью – таинственной и безлунной. А чью-то красоту можно приравнять, как раз, к луне – такая же далёкая и недостижимая. Есть и такая красота, как солнце – обжигающая, яркая. А от других исходит ощущение весеннего, свежего денёчка. Но страшит та красота, что бросается в глаза сильнее прочих, как едкий дым от ревущего зверем пламени.

Наверное, ощущение красоты зависит напрямую от характера самой девушки.

Что касается моей... Мама, когда смотрела на меня, любила вспоминать журчащий, чистый ручеёк в саду, в котором познакомилась с моим отцом.

Итак, многие невесты, как и я, делают вид, что слушают Смотрительницу, и осторожно осматриваются среди соперниц. Некоторые из них даже переговариваться между собой умуд-

ряются. Чьи-то оценивающие взгляды я ловлю на себе, гордо их выдерживаю и смотрю в ответ прямо и без страха. Глафира бы мной гордилась. Если бы не знала, как всё началось, конечно.

Впрочем, за невестами наблюдают не только сами невесты...

Он стоит в тени арки, которая служит проходом в смежную комнату. Его лица не видно, но взгляд... Он чувствует на коже, обегает лицо каждой невесты. И ещё... Мне он чудится насмешливо холодным... Странные ощущения. И кто этот мужчина?

Сам Король, решивший глянуть на предлагаемый «товар»? Или же кто-то от него, пришедший с той же целью?

Я дёргаю плечами и отвожу взгляд от таинственного наблюдателя, но в груди что-то, словно дергает, заставляет вновь обратить свой взор в сторону арки. Как раз в этот момент мужчина решает уйти. На голенище его сапог попадает свет солнца из окна той комнаты, и я замечаю... Да, кажется, я вижу рисунок несуществующей птицы, так похожей на статую в фонтане под моим окном. Мгновенно вспоминается рассказ Глафиры и служанки, и в сердце зарождается тревога.

Неужели... это и правда был сам Король?..

В таком случае никакое он не чудовище, раз спокойно разгуливает по замку.

– ...Надеюсь каждой из вас ясна ответственность, с этого момента возлégшая на ваши плечи! Корона ожидает от вас стараний, прилежности и, самое главное, честности! Не пытайтесь строить из себя того, кем вы не являетесь. Это никогда не заканчивается хорошо!

Слова Марьяны пугают, но я сильнее расправляю плечи и представляю, что речь идёт не обо мне. То есть да, риск попасться на обмане существует, конечно, но я постараюсь, чтобы всё закончилось хорошо. Очень постараюсь.

– На этом всё. Приятного аппетита, невесты!

Я тихонечко выдыхаю и осторожно осматриваюсь. Невесты, которые теперь щебечут между собой в полный голос, словно знают куда идти, потому я, недолго думая, направляюсь за ними. Но не успеваю сделать и пары шагов, как оказываюсь взятая под руки двумя девицами...

– Как тебе это удалось? – вопрошает темноволосая девица справа.

– Ты сама это придумала? – интересуется другая.

– Про... Про что вы говорите? – поднимаю я выше подбородок, мысленно ругая себя за то, что чуть не попросила прощения.

– Да брось! С нами можешь быть откровенной, мы тобой восхищаемся!

– Да-да! Опоздать на первое и единственное собрание невест! Гениально! Теперь наша «милая» Марьяна каждому в замке расскажет о госпоже Глафире. Популярность обеспечена! Почему я сама об этом не подумала? – сокрушается темноволосая девица.

– Катерина, имей ввиду, что наша Глафира отличилась ещё до собрания!

– Да, как ты это сделала? Почему Смотрительница запомнила твоё имя? – с неподдельным любопытством сужает глаза Катерина.

Они действительно считают моё опоздание хитрым ходом? Всеобщее внимание – последнее, чего бы я хотела добиться.

– Дело в мой непутёвой служанке: она проспала! – округляю я глаза, словно до глубины души возмущена обстоятельствами. – И я совершенно не представляю, почему Смотрительница запомнила моё имя. Мне казалось, что ей положено знать каждую из нас.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.